

КЪ ИСТОРИИ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЦЕНСУРЫ.

(Записка П. С. Федорова, 1859 года).

Записка, печатаемая ниже, представляет интересъ, какъ по высказываемымъ въ ней мыслямъ, такъ и по личности ея автора ¹⁾. Обсуждаемый въ ней вопросъ о цензурѣ драматическихъ произведеній для представленія ихъ на сценѣ и о вліяніи ея на развитіе драматическаго искусства—вопросъ старый и притомъ изъ тѣхъ, положительное и отрицательное рѣшеніе котораго всегда имѣло и своихъ защитниковъ, и своихъ противниковъ. Однако нельзя не замѣтить, что даже и въ концѣ XIX вѣка рѣдко встрѣчаются убѣжденные поборники полной свободы сценическихъ произведеній отъ театральной цензуры. Какъ-то, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Парижская газета *Figaro* опрашивала по этому поводу выдающихся Французскихъ писателей, и изъ нихъ лишь Эмиль Золя былъ противъ театральной цензуры, а такіе, какъ А. Дюма-сынъ, Ожье и Ренанъ стояли за ея необходимость.

Въ прежнее время театральная цензура отличалась суровостью и придирчивостью, и въ этомъ отношеніи порядки просвѣщенной Европы были нисколько не лучше, чѣмъ у насъ, гдѣ театръ и драматургія только что становились на ноги. Тогдашнія правила и условія цензуры въ наше время кажутся куріозами. Теперь можно только съ улыбкой вспоминать, что, напримеръ, въ Австріи, если въ пьесахъ дѣло шло о любви и любовныхъ шалостяхъ, дѣйствующими лицами могли быть юнкера и прапорщики, но отнюдь не офицеры высшихъ чиновъ ²⁾.

Исторія Русской драматической цензуры представляетъ немало такихъ же куріозовъ, странностей, досадныхъ недоразумѣній и придирокъ цензоровъ, усердныхъ не по разуму. Отъ всего этого, конечно, не могло здоровиться драматическому искусству. Съ этой точки зрѣнія разсуждаетъ о цензурѣ и Федоровъ съ своей *Запискѣ*. Какъ начальникъ репертуарной части Императорскихъ Петербургскихъ театровъ, онъ выступаетъ въ защиту своей дирекціи, которую упрекали „въ равнодушіи къ Русской сценѣ и приписывали ея винѣ замѣтную по репертуару бѣдность отъ недостатка для сцены новыхъ, не только хорошихъ, но сколько нибудь заслуживающихъ вниманія

¹⁾ *Записка* П. С. Федорова доставлена въ редакцію *Русскаго Архива* покойнымъ И. О. Горбуновымъ.

²⁾ Никто Фидертъ перевелъ по-нѣмецки „Ревизора“ и хотѣлъ поставить его въ Карлсбадѣ. Австрійская цензура воспротивилась, и на спросъ одного Русскаго вельможи о причинѣ этого запрещенія отвѣчала: „Вѣдь мы еще не въ войнѣ съ Россіей“. П. В.

оригинальных пьесъ“. Всю вину въ „совершенномъ упадкѣ Русскаго театра“ Федоровъ слагаетъ на цензуру драматическихъ произведеній. Понятно, что онъ не отрицаетъ совершенно необходимости цензуры, которая „учреждена для благой и полезной цѣли — отдѣлять пшеницу отъ плевелъ“, „растить дерево, а не глушить его“. Но какъ дѣйствуетъ цензура? Въ этомъ отношеніи выводъ изъ разсужденій Федорова тотъ, что законы—святые, да исполнители—лихіе супостаты. Соображенія цензоровъ, по его мнѣнію, вполнѣ произвольны; рѣшенія ихъ не только единоличны, но и безапелляціонны, приговоры ихъ лишены послѣдовательности. Федоровъ иллюстрируетъ свою характеристику цензуры примѣрами и приводитъ интересный списокъ 25-ти пьесъ, запрещенныхъ въ 1858 и 1859 годахъ. Почти всѣ пьесы изъ этого списка, сохранившія свою живучесть въ репертуарѣ до нашихъ дней, давно уже даются на сценѣ. Указавъ, какъ неблагопріятно отражается вліяніе цензуры на ходъ театральнаго дѣла и высказавъ вообще свой взглядъ на драматургію, Федоровъ утверждаетъ, что дирекція возставала по временамъ противъ безапелляціонныхъ рѣшеній цензуры, но отсюда выходило мало толку. Министръ Императорскаго Двора, графъ Адлербергъ, главный начальникъ Императорскихъ театровъ, учредилъ (1856 г.) Театрально-литературный Комитетъ, чтобы, по выраженію Федорова, „очистить репертуаръ Русской сцены, согнать съ него плохія пьесы, допускать только хорошія, привлечь даровитыхъ драматическихъ писателей“. Но опять цензура становится поперекъ дороги и новому учрежденію, „запрещая, какъ нарочно, все, что прочтено лучшаго въ Комитетѣ“^{*)}.

Итакъ, Федоровъ убѣжденъ, что главнымъ тормазомъ въ развитіи драматической литературы и сценическаго искусства является *спеціальная* цензура драматическихъ произведеній, и ослабить или совсѣмъ устранить этотъ тормазъ можно, предоставивъ „право одобренія драматическихъ произведеній къ представленію на сценѣ или Театрально-литературному Комитету или общей цензурѣ, гдѣ власть отдѣльнаго цензора ограничена Цензурнымъ Комитетомъ“.

Своей „конфиденціальной“, какъ онъ ее называетъ, запиской, Федоровъ, въ качествѣ начальника репертуарной части, руководившаго Петербургскимъ театромъ, хотѣлъ „подать свой оправдательный голосъ“ противъ начинавшихся тогда нападокъ журнальной печати на театральную администрацію. Записка, по всей вѣроятности, предназначалась для представленія или, можетъ быть, и была представлена на воззрѣніе начальства. Эти два обстоятельства, безъ сомнѣнія, и произвели односторонность высказаннаго въ *Запискѣ* взгляда. Сваливая всю вину неблагопріятныхъ послѣдствій цензуры, Федоровъ умалчивалъ о другихъ причинахъ, имѣвшихъ вліяніе на положеніе дѣла. Онъ выгораживалъ театральную администрацію, а между

*) Теперь существуетъ другой порядокъ: для разсмотрѣнія въ Театрально-литературный Комитетъ принимаются только пьесы, уже одобренныя къ представленію драматической цензурой.

тѣмъ всякій, кто соприкасается съ закулисными порядками и обычаями, знаетъ, что постановка пьесъ на сценѣ зависитъ помимо цензуры отъ слишкомъ многихъ условій, связанныхъ собственно съ этими порядками и обычаями. Вѣдь, если бывали случаи, когда обвиняли цензуру, то бывали и такого рода факты, какъ записанный однимъ изъ современниковъ. Во времена управленія театромъ того же Федорова ставилась на сцену комедія Потѣхина „Мутная вода“. Въ комедіи, между прочимъ, два лица: баронесса—Нѣмка и Нѣмецъ Кукукъ, оба мошенники, оплетающіе и надувающіе Русскихъ. Театральное начальство признало это непозволительнымъ и велѣло Нѣмцевъ преобразовать въ Русскихъ, изъ чего выходило, что Русскіе могутъ быть подлоцами, а Нѣмцы—нѣтъ ¹⁾).

Что касается до Театрально-литературнаго Комитета, то правда, что, при учрежденіи его, ему предсказывали благотворную дѣятельность, но съ самаго же зарожденія его и до нашихъ дней слышались жалобы на недостаточность приносимой имъ пользы и даже указывалось на бесполезность его существованія. Поднести итоги дѣятельности Комитета—дѣло будущаго историка; но нельзя не замѣтить, что Комитетъ не могъ создавать таланты. По мысли перваго составителя устава Комитета, академика Никитенки, польза этого учрежденія преимущественно отрицательная: препятствіе загромождать сцену плохими пьесами. Положительная же польза, по его мнѣнію, состояла въ томъ, что „молодые писатели могли находить ободреніе“ въ мысли, что судьба ихъ сочиненій отнынѣ станетъ рѣшаться не произволомъ, часто невѣжественнымъ, а судомъ литературнымъ и, по возможности, справедливымъ ²⁾).

Записка Федорова пріобрѣтаетъ еще большее значеніе личной защиты, если вспомнить, что, кажется, никого изъ закулисныхъ начальниковъ, вѣдавшихъ судьбы Русскаго театра, не обвиняли такъ въ упадкѣ Русскаго драматическаго искусства, какъ именно его. Федоровъ былъ утвержденъ въ должности управляющаго Петербургскимъ Театральнымъ Училищемъ и назначенъ начальникомъ репертуарной части 29 Сентября 1854 года. И съ этого времени, замѣчаетъ лѣтописецъ Петербургскаго театра, въ продолженіе двадцати лѣтъ, онъ владелъ вполнѣ судьбами нашего театральнаго міра, и за все это время на немъ одномъ должна лежать отвѣтственность предъ современниками и потомствомъ за все, что сдѣлано, и за все, что не сдѣлано для Русской сцены ³⁾). Федоровъ занималъ не главное мѣсто въ театральнѣ администраціи; но онъ, по выраженію современнаго театралла, былъ тотъ *cheville-ouvrière* ⁴⁾), на которомъ вращался весь театральнѣ механизмъ ⁵⁾).

П. С. Федоровъ (род. 1800 † 11 Марта 1879 г.) до назначенія его въ 1854 году на службу къ Императорскимъ театрамъ былъ зауряднымъ поч-

¹⁾ Никитенко, А. В. *Записки и Дневникъ*, т. 3, стр. 257, Январь 1871 года.

²⁾ Тамъ-же, т. II, стр. 81, 7 Марта 1858 г.

³⁾ Вольфъ, А. *Хроника Петербургскихъ театровъ*, ч. I, стр. 178.

⁴⁾ Шворень.

⁵⁾ Юркевичъ, П. „Изъ воспоминаній Петербургскаго старожила“. *Историч. Вѣстникъ*, 1882, № 10, стр. 171.

тамтскимъ чиновникомъ, писалъ и переводилъ недурные въ тогдашнемъ репертуарѣ комедіи и подевили. Новое и весьма важное въ театральномъ мірѣ мѣсто онъ занялъ, благодаря расположенію къ нему графа В. Ѳ. Адлерберга. Издавна уже такъ ведется, что, при назначеніи новаго лица на старую отвѣтственную должность, всѣ ждутъ новыхъ порядковъ, новыхъ вѣяній: новая метла чище мететь. Такъ было и при вступленіи Ѳедорова въ управленіе Петербургскими театрами. Можно думать, что и *Записка* его о цензурѣ была однимъ изъ взмаховъ новой метлы или отпоромъ на начинавшуюся противъ новаго театральнаго администратора атаку повременной печати. Выше я уже замѣтилъ, что Ѳедорову, какъ личности и администратору, пришлось выносить самыя ожесточенныя и рѣзкія нападки при жизни; самыя неслестныя характеристики сопровождаютъ его имя и дѣятельность и послѣ его смерти въ различныхъ воспоминаніяхъ. Здѣсь не мѣсто разбираться во всѣхъ этихъ отзывкахъ о Ѳедоровѣ; да и время не пришло еще для того, чтобы на основаніи достовѣрныхъ данныхъ сдѣлать о немъ какой-нибудь выводъ. Но чтобы дать читателямъ нѣкоторое понятіе о немъ, приведу два мнѣнія по этому поводу людей, близко стоявшихъ въ свое время къ театру и, очевидно, знавшихъ Ѳедорова.

Вотъ отзывъ о немъ покойнаго артиста Л. Л. Леонидова († 1889), который въ закулисной средѣ пользовался репутаціей честнѣйшаго и правдивѣйшаго человѣка. По его характеристикѣ, П. С. Ѳедоровъ былъ „типъ Петербургскаго чиновника, долго служившаго въ почтовомъ вѣдомствѣ. Какъ человѣкъ мягкосердечный, онъ любилъ ласкающихся къ нему приближенныхъ и терпѣть не могъ противорѣчія или нововведенія, выслушивая ихъ всегда хмуро, исподлобья поглядывая на новатора. Не мстилъ, но и не забывалъ того, кто не соглашался съ его рутиннымъ убѣжденіемъ, стараясь удалить отъ себя такого неугомоннаго неслуха. До вступленія своего въ должность инспектора, трудовую жизнь свою онъ проводилъ съ артистами, занимаясь переводами и передѣлками по водевильной части, что при новомъ управленіи его и послѣдовало неудовольствію различныхъ толковъ. Прежніе пріатели его стали почти требовательны на вознагражденія, капризничали, нехотя исполняли его распоряженія и, словомъ, доказывали на дѣлѣ, что трудно начальствовать по-пріятельски. Видя разногласіе въ старыхъ своихъ друзьяхъ, онъ началъ окружать себя новыми прислужниками изъ молодыхъ. Любилъ иногда немножко поляберальничать, но, какъ важный исполнитель-чиновникъ въ генеральскомъ званіи, тотчасъ одумывался и принималъ видъ хладнокровнаго слушателя. Онъ всегда ласково выслушивалъ просителя и обнадеживалъ всѣхъ и каждого именемъ директора, высшаго начальниа. Каждый, выходя отъ него, оставался имъ доволенъ, потому что онъ ни съ кѣмъ не входилъ ни въ какія служебныя разъясненія и никому категорически не отказывалъ, а всякому обѣщалъ переговорить о его дѣлѣ съ директоромъ, къ которому и отправлялся съ туго набитымъ портфелемъ и дѣлалъ доклад по своему усмотрѣнію. Онъ не принадлежалъ къ бойкой артистической натурѣ, пролагающей себѣ дорогу, а напротивъ, былъ самый тихій и

не вѣлѣрчивый, исполнительный характеръ, только случайностью обстоятельство составляющій себѣ карьеру въ чинахъ и лѣнтахъ театральнаго дѣлопроизводства. При немъ сильно развилась протекціонная система, которая съ партией недовольныхъ при гласности вооружилась на него обличительною литературою въ каррикатуры, стихахъ и прозѣ. Но онъ тѣмъ тверже стоялъ на своемъ посту и больше получалъ административныхъ съ арендами наградъ. И если за нимъ, по словамъ Гоголевскаго городничаго, и были кое-какіе грѣшки, за то онъ каждое Воскресенье ходилъ въ церковь и всю обѣдню выстаивалъ въ нравственный примѣръ своимъ питомцамъ и подчиненнымъ¹⁾.

А вотъ какъ характеризуетъ дѣятельность Федорова драматургъ и театральный критикъ, Д. В. Аверкиевъ²⁾. „Федоровъ былъ человекъ умный и даже литературный (какъ переводчикъ комедій и водевилей). Въ разговорѣ онъ даже предпочиталъ Островскаго Дьяченкѣ, хотя въ репертуарѣ отдавалъ преимущество послѣднему, какъ дающему большіе сборы. Что же именно сдѣлалъ Федоровъ для театра? Онъ просто на-просто превратилъ его въ канцелярію по драматической части. Ему не требовалось художниковъ-исполнителей, съ него было довольно и исполнительныхъ чиновниковъ. Не то, чтобы онъ не признавалъ таланта; но его удовлетворяли артисты просто натасканные на дѣло, или вѣжливые, артисты опытные. Съ ними жилось покойнѣе; у нихъ не было таланта, за то они обладали прекраснымъ характеромъ. Появились „выигрышныя“ роли, появился особый классъ артистовъ, пожирателей этихъ ролей. Пуще моли развелось первыхъ актеровъ, и исчезли вторые. Мертвечина, казенщина и чичиковщина воцарилась въ храмѣ искусства; началась торговля проспектакльной платой, и авторской, и актерской“.

Въ защиту Федорова можно было бы привести очень немного мнѣній и отзывовъ. Но, повторяю, я не дѣлаю изъ приведенныхъ характеристикъ никакого вывода объ этомъ театральномъ дѣятелѣ прошлаго времени и хотѣлъ лишь дать читателямъ представленіе объ авторѣ нижеслѣдующей *Записки*.

Алексѣй Ярцовъ.

Записка Павла Степановича Федорова, 1859 года.

Въ послѣднее время журналы и газеты печатно стали обвинять дирекцію Императорскихъ театровъ въ равнодушіи къ Русской сценѣ и приписывать ей винѣ замѣтную по репертуару бѣдность отъ недостатка для сцены новыхъ, не только хорошихъ, но сколько нибудь заслуживающихъ вниманія оригинальныхъ пьесъ,—бѣдность, которая доводитъ Русскій театръ до совершеннаго упадка. Встрѣчая хотя изрѣдка

¹⁾ „Театральныя воспоминанія Л. Л. Леонидова“, *Русская Старина*, 1892, № 2, стр. 513—514.

²⁾ Аверкиевъ, *Дневникъ Писателя*, 1886, № 2, стр. 68—72.

въ печати драматическія произведенія со смысломъ, съ направленіемъ, съ художественными достоинствами, произведенія, обличающія несомиѣнный талантъ въ ихъ авторахъ, и журналы и публика удивляются, отъ чего эти немногія, исключительныя произведенія не являются на сценѣ; отъ чего дирекція, пренебрегая и этимъ немногимъ, составляетъ репертуаръ только изъ оригинальной посредственности и Французскихъ передѣлокъ.

Молва эта справедлива: состояніе Русской сцены очень незавидно, съ этимъ нельзя не согласиться. Только обвиненіе тутъ падаетъ не на того, на кого бы слѣдовало. Человѣкъ не знающій, какъ идутъ дѣла по театру, въ подобныхъ случаяхъ обвинить всегда администраторовъ Русской сцены, непременно приметъ ихъ за людей отсталыхъ, неблагонамѣренныхъ, нимаго не радѣющихъ объ удовлетворительномъ исполненіи своихъ обязанностей. Но человѣкъ этотъ очень ошибется, узнавъ ближе положеніе дѣлъ по Русской сценѣ. Составить репертуаръ, занимательный для публики, изъ пьесъ старыхъ, битыхъ и перебитыхъ, весьма не легко; а еще труднѣе дать въ годъ 200 Русскихъ спектаклей и собрать на нихъ этимъ репертуаромъ 160 т. р. (какъ въ прошломъ 1858—1859 году). Не лучше ли, не легче ли было бы взять двѣ-три новыя оригинальныя пьесы съ художественными достоинствами, поставить ихъ—и въ продолженіе цѣлаго сезона привлекать ими публику? Неужели можно предполагать, что дирекція не цѣнитъ такихъ, напримѣръ, пьесъ, какъ «*Свои люди сочтемся*», «*Макбетъ*», или «*Коварство и любовь*»? Нѣтъ, въ упадкѣ Русской сцены нельзя обвинять администрацію! При всемъ желаніи, она ничего не можетъ тутъ сдѣлать; но если уже кого обвинять, такъ это театральную цензуру, которая лишаетъ ее сочной пищи, той даже пищи, какая, по милости общей цензуры, перепадаетъ на долю печатныхъ изданій.

Цензура учреждена для благой и полезной цѣли. Человѣкъ способенъ увлекаться, увлеченіе очень нехорошо, потому что въ немъ человѣкъ можетъ наговорить то, чего не скажетъ въ спокойномъ духѣ. Дѣло цензуры отдѣлать пшеницу отъ плевелъ; она, какъ садовникъ, должна обрѣзывать негодные сучья и оставлять только тѣ, которые даютъ плодъ; ея дѣло растить дерево, а не глушить его.

Но такъ ли дѣйствуетъ теперь театральная цензура?

По основаніи Русскаго театра пьесы разсматривались директорами его Сумароковымъ, Елагинимъ; произведенія, выходяшія вонъ изъ ряда и затрогивавшія современные интересы, каковы «*Бригадиръ*, «*Недоросль*, «*Ябеда*», разрѣшались высшею властію. По учрежденіи министерства полиціи драматическая литература подпала его вѣдомству.

Цензура министерства была снисходительна: она дѣйствовала въ выгодахъ театра и не стѣсняла дарованій; каждому былъ свободный ходъ; Озеровъ, Крыловъ, Шаховской могли разрабатывать Русскую исторію и Русскую жизнь; Шиллеръ, Бомарше явились на сценѣ въ переводахъ; даже «Горе отъ ума» пробилось на сцену. Цензура смотрѣла на театръ, какъ на вѣрнѣйшій указатель стремленій, желаній, недостатковъ, слабостей современнаго общества; какъ на зеркало, въ которомъ отражается жизнь народа во всей ея полнотѣ, зеркало драгоценное, которое не только не должно закрывать, но напротивъ, въ интересахъ общей пользы и самой власти, надо держать какъ можно чище и яснѣе; цензура смотрѣла на театръ, какъ на кафедру, съ которой можно сказать народу много добраго.

Съ 1826 года взглядъ цензуры на театръ измѣняется. Театральныя пьесы передаются на судъ цензуры III-го отдѣленія, и цензура, начавъ уже смотрѣть недружелюбно на театръ, дѣлается съ каждымъ годомъ строже и враждебнѣе къ дѣтелямъ Русской сцены. Она какъ будто заподозрѣваетъ каждое выраженіе, видитъ во всемъ скрытый намекъ, боится всякой дѣльной мысли, cadaго слова со смысломъ, держится того порядка, въ которомъ даже простой намекъ на правду и дѣйствительность считается неприличнымъ, и заставляетъ драматическихъ писателей ограничиваться наивными, допотопными сентенціями да пустяками. Цензура, въ лицѣ одного цензора, становится рѣшительницей судебъ драматическаго искусства въ Россіи. Въ общей ценсурѣ для печатныхъ произведеній есть аппелляція; въ ценсурѣ театральной ея нѣтъ. Приговоръ одного лица цензуры театральной святъ, ненарушимъ и непогрѣшителенъ. За что пьеса запрещена? Почему позволена? Неизвѣстно. Ценсурѣ не нравится выраженіе, она его перемѣняетъ; не нравится развязка, она заставляетъ передѣлывать ее, часто во вредъ идеѣ и здравому смыслу; не нравится сцена, она запрещаетъ всю пьесу!

Въ приговорахъ театральной цензуры трудно отыскать послѣдовательность: она ее знать не хочетъ. Вотъ двѣ пьесы. Въ одной, (*Макбетъ*) феодалный баронъ убиваетъ своего короля, садится на его престолъ, и съ этой минуты жизнь его—пытка, которая кончается страшною смертію. Сильный урокъ для честолюбцевъ! Въ другой (*Гамлетъ*) родной братъ убиваетъ своего короля, садится на его престолъ, женится на его вдовѣ, покушается на жизнь племянника; жизнь его—безпрерывный пиръ; конецъ—смерть совершенно случайная. Урока нѣтъ! Чтожъ бы должно было запретить, въ видахъ нравственности и уваженія къ власти, какъ понимаетъ ихъ цензура? Ра-

зумѣтся, Гамлета? Нѣтъ. Цензура пропускаетъ на сцену Гамлета и запрещаетъ Макбета!

Для театральнoй цензуры равно важны и судьба государства, и судьба ничтожнаго чиновника. Народъ возстаетъ противъ притѣсненія губернатора («Вильгельмъ Тель»), неуваженіе къ власти: «запрещается». Квартальный напивается пьянъ и смѣшить честную компанію (купцы 3-й гильдіи) — неуваженіе къ власти: «запрещается». Нравственное чувство цензуры возмущается продѣлками злостнаго банкрота, который за нихъ попадаетъ въ тюрьму (*Свои люди сочтемся*): «запрещается»; а «Чужое добро въ прокъ нейдетъ», въ первой картинѣ которой воровство, во второй пьянство, въ третьей еще болѣе болѣе пьянства: въ четвертой пес plus ultra пьянства, въ пятой допившійся до бѣлой горячки сынъ идетъ рѣзать спящаго отца: «позволяется». По понятіямъ цензуры—какъ видно изъ ея рѣшеній—писать нельзя о казнокрадствѣ, о злоупотребленіи власти, о купеческихъ продѣлкахъ, о семейномъ развратѣ, объ офицерахъ, о чиновникахъ, о крестьянахъ, о дворянствѣ, объ откушникахъ, объ Іоаниѣ Грозномъ, объ опричинѣ, о Самозванцахъ...

О чемъ же, наконецъ, можно писать?

Обо всемъ, что не запрещено, скажетъ цензура.

Вотъ перечень пьесъ, запрещенныхъ въ 1858 и 1859 годахъ, пьесъ, изъ которыхъ каждая, болѣе или менѣе, принесла бы честь и сборы Русской сценѣ, и изъ которыхъ большая часть уже напечатана.

Оригинальнныя:

Защѣмъ пойдешь, то и найдешь, Островскаго (*Свои люди сочтемся*). *Даровой хлѣбъ*, Тургенева. *Капитанская дочка*, Криницыной. *Отецъ и сынъ*, Ховскаго. *Царское кольцо*. *Былая времена*. *Доходное мѣсто*, Островскаго. *Мишура*, Потѣхина. *Свой кругъ*. *Шуба овечья, да душа человѣчья*, Потѣхина. *Купецъ-лабазникъ*. *Переписчикъ*. *Барышня*. *Фразѣры*. *Старое поколѣніе*. *Кошкинъ шрушки*, Островскаго. — *Переводныя: Роковой Талисманъ*. *Рюи Блазъ*. *Валентина*. *Герцогиня д' Егиллонъ*. *Робертъ Роллери*. *Сынъ слѣпого*. *Парижскіе студенты*. *Генрихъ IV*, *Шекспира*. *Странствующие комедіанты*. И того 25 пьесъ.

При такихъ стѣсненныхъ условіяхъ цензуры, можетъ ли Русская драма отражать въ себѣ современную, полную надеждъ и стремленій жизнь Русскаго общества?

Конечно нѣтъ. Пока не снимутъ съ нея тяжелыхъ веригъ, она все будетъ коснѣть въ своемъ одиночествѣ, не войдетъ въ непосредственную связь съ жизнью, будетъ на ней какимъ-то внѣшнимъ наросломъ, и драматурги съ талантомъ не найдутъ должнаго исхода для своей дѣятельности.

Между тѣмъ театрѣ необходимъ для публики. Театрѣ живеть по-визной. Чтѣ однажды сошло съ репертуара, то умерло: публики имѣ не заинтересуешь. Надо новаго, болѣе Русскаго, современнаго. А у насѣ болѣшею частію играютѣ передѣлки чудовищныхѣ Французскихѣ драмѣ, пошлыхѣ водевилей, доморощенные грубые фарсы. Шагѣ за шагомѣ, и мы дойдемѣ по этому пути до идеала Русскихѣ пьесѣ: *«Одинѣ влѣзетѣ подѣ столѣ, а другой вытащитѣ его оттуда за ногу!»* И вотѣ такая горькая участь суждена Русской драмѣ.

Но журналы и публика не хотятѣ знать ценсуры и не могутѣ обвинять ее безусловно. Они знаютѣ Дирекцію театровѣ, они увѣрены, что обязанность Дирекціи защищать сцену и помогать ей; что Дирекція учреждена съ благою цѣлію, что, въ національной своей гордости, она должна заботиться о Русской сценѣ какѣ родная мать о любимомѣ дѣтищѣ; должна видѣть въ Русской сценѣ мѣрило образованности народа, мѣрило его вкусовѣ, потребностей, интересовѣ и употреблять всѣ зависящія отѣ нея средства, чтобы сцена вполнѣ соответствовала своему высокому призванію; они полагаютѣ, что Дирекція не должна жертвовать интересами Русской сцены, а обязана отстаивать ихѣ во имя своей же собственной пользы.

Дирекція, однакоже, сознавая справедливость голоса публики, по временамѣ пробовала возставать противу безапелляціонныхѣ рѣшеній ценсуры; но борьба ея приносила мало хорошихѣ послѣдствій. Его сіятельство, высоко просвѣщенный и благонамѣренный главный начальникѣ и покровитель драматическаго искусства, видя упадокѣ Русской сцены и увѣрясь, что ей необходимъ свой защитительный голосѣ, свой собственный органѣ для выраженія нуждѣ и потребностей Русскаго театра, въ дѣлѣ искусства, призналъ необходимымѣ учредить Театрально-литературный Комитетѣ, съ цѣлію очистить репертуарѣ Русской сцены, согнать съ него плохія пьесы, допускать только пьесы хорошія, соответственныя современному направленію, привлечь даровитыхѣ драматическихѣ писателей; словомѣ, поставить сцену въ уровень съ жизнію.

Но вотѣ уже прошло слишкомѣ три года со времени учрежденія Комитета, а замѣчательныхѣ произведеній все еще не видно на сценѣ. Публика ропщетѣ ни на одну уже Дирекцію, но и на Комитетѣ; даровитые писатели не прививаются къ Русскому театру, и отрадныхѣ для него надеждѣ не видно еще въ будущемѣ. Прекрасную цѣль учрежденія Комитета губить опять таже ценсура. Запрещая, какѣ нарочно, все, чтѣ прочтено лучшаго въ Комитетѣ, она лишаетѣ сцену замѣчательныхѣ произведеній и отнимаетѣ вмѣстѣ съ тѣмъ охоту у авторовѣ трудиться для нея; и вотѣ Комитетѣ долженѣ поневолѣ измѣнять своей

цѣли, долженъ поневолѣ быть снисходительнымъ къ слабымъ произведеніямъ, чтобы не оставить театръ при старомъ репертуарѣ и не довести до рѣшительнаго упадка сборовъ Дирекціи.

Пьесы, одобренныя Комитетомъ, запрещаются ценсурой! Стало быть, Дирекція и въ лицѣ Комитета не имѣеть, по прежнему, ни голоса, ни вѣса предъ ценсурой. Но какъ же послѣ того понимать одобренія Комитета? Если Комитетъ находитъ, что пьеса достойна представленія, то, конечно, при этомъ подразумѣвается, что она можетъ идти, т. е. что направленіе ея не враждебно понятіямъ о ценсурѣ. Отчего же ценсура запрещаетъ пьесы, одобренныя Комитетомъ? Тутъ или ценсура ошибается, или ошибается Комитетъ; или надо рѣшать одной ценсурѣ, или одному Комитету: вмѣстѣ они ужиться не могутъ. Или одобреніе Комитета должно быть обязательнымъ для ценсуры, или Комитетъ, не удовлетворяя своей цѣли, долженъ считаться бесполезнымъ учрежденіемъ.

Я, какъ начальникъ репертуарной части, быть можетъ, болѣе другихъ, обвиняемый въ упадкѣ Русскаго театра, рѣшился хотя однажды подать оправдательный мой голосъ. Но если бы меня спросили какъ помочь этому дѣлу, то я посмѣлъ бы отвѣчать, что Дирекція только тогда оградить себя отъ незаслуженныхъ упрековъ, когда право одобренія драматическихъ произведеній къ представленію на сценѣ будетъ предоставлено или Театрально-литературному Комитету или общей ценсурѣ, гдѣ власть ценсора ограничена Ценсурнымъ Комитетомъ; иначе, и въ особенности при предстоящемъ преобразованіи общей ценсуры, голосъ журнальной критики будетъ безпощаднымъ врагомъ театральной администраціи; а этотъ голосъ безъ сомнѣнія отзовется и въ мнѣніяхъ всей образованной публики.

(Сообщено покойнымъ И. Ѳ. Горбуновымъ).